

—

«Ты... что сказал?»

Таоюй, услышав слова Хо Шу, остолбенел, не уверенный, ослышался ли он, и подсознательно переспросил.

«Я сказал, что женюсь на тебе».

Хо Шу, глядя в глаза Таоюя, терпеливо повторил ещё раз.

Теперь, убедившись, что не ослышался, Таоюй почувствовал, как его разум опустел. Он не ожидал, что Хо Шу скажет ему это без всякого предупреждения.

Таоюй растерянно встал, его лицо покраснело от шеи до ушей: «Ты уже так много мне помог, не... не нужно жертвовать всей своей жизнью из сострадания или жалости ко мне».

«Я хочу жениться на тебе, это не жалость и не сострадание».

Дойдя до этого, Хо Шу прямо сказал: «С тех пор как я вытащил тебя из воды, я хотел узнать тебя поближе, но узнав, что ты обещан, я боялся тебя беспокоить и никогда ничего тебе об этом не говорил».

«Ты можешь не хотеть, но не думай, что я говорю это из жалости к тебе».

Хо Шу посмотрел на Таоюя: «Я десять лет был на поле боя, я никого не жалею».

Таоюй сжал руки. Он знал характер Хо Шу, такое важное решение он не будет принимать легкомысленно.

Но именно потому, что он знал, что Хо Шу серьёзен, он не знал, как реагировать. Всё произошло слишком внезапно, и он паниковал.

Этот человек... этот человек действительно такой, что не поговорил с его родителями, а прямо сказал ему.

Какая польза от его согласия? Родители с детства во всём ему потакали, заботились о нём, и если они не согласятся, он, даже если очень захочет, не сможет тайно выйти замуж и ранить сердца стариков.

Он не мог поступить, как сестра У Сань. Он был единственным ребенком в семье. Если он заставит стариков снова беспокоиться, то он действительно будет непочтительным.

Но он ведь не был против Хо Шу...

«Как... как можно делать предложение, спрашивая, хочет ли этого тот, кому делают предложение? Сейчас... сейчас это всё воля родителей и сватовство».

Хо Шу сказал: «Даже если твои родители согласятся, а ты нет, это будет бесполезно. Я женюсь на тебе, а не на них».

«Я спрашиваю только тебя, хочешь ли ты?»

«Я!?»

Столкнувшись с таким прямым вопросом, Таоюй покраснел и с трудом смог вымолвить два слова.

«Я... я подумаю».

Сказав это, он, не попрощавшись, убежал.

Хо Шу встал и сделал пару шагов, но, увидев, как торопливо бежит Таоюй, остановился.

Он нахмурился, а затем вдруг с досадой выдохнул.

Раньше он ясно понимал, что нужно действовать постепенно, а сегодня почему-то так резко выпалил эти слова. Теперь, наверное, он его напугал.

Хо Шу рассердился и долго стоял, сожалея об этом.

—

«Вернулся? Как там...»

Цзи Янцзун и Хуан Маньцзин, услышав движение, поспешно выбежали из кухни. Не успели они закончить вопрос, как увидели Таоюя с покрасневшим лицом, который стремглав вбежал в дом.

Цзи Янцзун и Хуан Маньцзин, увидев это, переглянулись: «Что случилось?»

«Явно недоволен».

Хуан Маньцзин хлопнула Цзи Янцзуна по руке: «Это всё ты натворил».

Цзи Янцзун, услышав это, не мог не беспокоиться, он поспешил в дом и, увидев плотно закрытую дверь комнаты Таоюя, посмотрел на свою жену.

Хуан Маньцзин резко оттолкнула Цзи Янцзуна и мягко спросила: «Сяо Таоцзы, что случилось?»

Таоюй в комнате прислонился спиной к двери, его сердце сильно колотилось, и он не мог прийти в себя.

«Ничего, я... я просто упал».

«Ты не поранился? Мама посмотрит».

«Не поранился, я переоденусь, голова немного кружится, посплю немного, и всё будет хорошо».

Таоюй поспешно отправил их прочь: «На обед не зовите меня, я сам встану и поем, когда проснусь».

Хуан Маньцзин, услышав это, сердито взглянула на Цзи Янцзуна.

«Тогда мама поставит еду на огонь, чтобы она оставалась тёплой».

Сказав это, Хуан Маньцзин потащила Цзи Янцзуна наружу: «Ты так слепо всё устраиваешь, посмотри на Сяо Таоцзы, разве так поступают отцы?»

Цзи Янцзун не понимал, что случилось. Выходил он явно радостным, а теперь вот так.

Главное, что он всё так тщательно продумал, так что такого быть не должно было.

«Нет, мне нужно пойти и спросить этого парня, что он сказал, он же довёл Сяо Таоцзы».

Увидев мужа, который говорил и сразу же выходил, Хуан Маньцзин погналась за ним и сказала: «Уже полдень, куда ты сейчас идёшь!»

«Не твоё дело».

Хуан Маньцзин, рассердившись, не стала ничего делать, а просто позволила этому упрямому старику идти.

Таоюй долго приходил в себя в комнате. Хотя он отдышался после пробежки, но как только он вспоминал слова Хо Шу, его лицо тут же пылало, и несколько чашек холодного чая не помогли.

Он потёр щёки, и его рука случайно коснулась нефритовой шпильки на голове.

Таоюй вздрогнул, затем снял шпильку с головы.

Вспомнив странное поведение своего отца и Хо Шу, который ждал там в тот момент, он внезапно всё понял.

Вспомнив это, Таоюй глубоко вздохнул, затем хлопнул шпилькой по столу.

Судя по всему, его отец давно всё знал, и его мать тоже, а он сам был в полном неведении!

Таоюй на мгновение не мог понять, что чувствует. Он подумал, что Хо Шу, похоже, не так уж и глуп, раз заранее договорился с его родителями, но в то же время чувствовал злость.

Его родители предали его, сговорившись обмануть его.

В голове Таоюя был беспорядок, он свернулся калачиком на кушетке и укрыл голову одеялом.

—

«Что происходит!»

Цзи Янцзун прибежал в дом Чжао, не обращая внимания на то, что время обеда и что он будет невежлив, и поспешно вытащил Хо Шу.

Он просто не понимал, он всё объяснил шаг за шагом, почти разжевал и положил в рот, как же можно было напугать человека так, что тот убежал.

Хо Шу, увидев допрашивающего его Цзи Янцзуна, слегка неловко кашлянул.

«Ты хоть что-нибудь скажешь?!»

«Я просто сказал ему, что женюсь на нём».

Цзи Янцзун, услышав это, охнул.

Этот парень, когда не торопится, может быть по-настоящему спокойным, а когда торопится, то по-настоящему торопится.

Если бы это было просто, чтобы флиртовать и сказать что-то подобное, то ничего страшного. Но Хо Шу, судя по его виду, совсем не был похож на того, кто мог бы флиртовать.

Он представлял, насколько серьёзным он был, когда говорил, и разве ребёнок мог не испугаться?

Так испортить хорошую встречу, Цзи Янцзун в сердцах сказал:

«Ты... ты...»

Хо Шу признал свою ошибку: «Я был слишком поспешен, мне не следовало говорить ему это».

Цзи Янцзун изначально собирался хорошенько его отчитать, но, увидев, как Хо Шу крепко сжал губы и выглядит расстроенным, он почувствовал, что ему тоже очень не по себе.

Он не стал допрашивать и ругать его, а сказал: «Эти слова рано или поздно нужно было сказать, чем раньше он узнает, тем лучше, это не обязательно плохо».

«Просто это было немного внезапно, и он, возможно, подумал, что ты хочешь, чтобы он тайно обручился с тобой. Подожди, пока он успокоится, и он всё поймёт».

Хо Шу сказал: «Он не будет больше со мной разговаривать?»

«Наверное, нет».

Цзи Янцзун сказал: «Я вернусь и поговорю с ним, а ты не слишком вини себя».

Проводив Цзи Янцзуна, Хо Шу всё ещё не мог успокоиться, он даже не пообедал и снова вышел.

Цзи Янцзун не смог ничего добиться от Хо Шу и, вернувшись домой, решил взяться за своего гера.

К сожалению, Таоюй просидел в комнате большую часть дня и не выходил, лишь ближе к ужину Хуан Маньцзин позвала его есть, и тогда он открыл дверь.

«Ты даже не обедал, ты пытаешься достичь бессмертия?»

Хуан Маньцзин отругала Таоюя, не упоминая о полуденном инциденте.

Цзи Янцзун, однако, был очень обеспокоен, несколько раз хотел заговорить, но жена остановила его. Только когда Таоюй съел миску риса и выпил немного супа, и стало ясно, что он сыт, Цзи Янцзун сказал:

«Разве сливы у подножия горы не цвели? Почему ты так сердито прибежал обратно?»

Таоюй, услышав это, понял, что собирается сказать его отец, он сердито взглянул на Цзи Янцзуна: «Папа, когда ешь, не говори, когда спишь, не говори, не разговаривай за едой».

Цзи Янцзун подавился. Увидев свирепый взгляд, он взял ложку и налил Таоюю немного супа.

«Папа ведь о тебе беспокоится, ладно, ладно, не говорю. Выпей ещё супа, чтобы согреть желудок, что это за привычка – злиться и не есть».

Таоюй, держа в руках горячий суп из свиных легких с редькой, сделал глоток. Он действительно был голоден, не ел полдня.

Он съел две миски риса и выпил много супа, живот его округлился, он редко ел так много за ужином.

Цзи Янцзун несколько раз пытался с ним поговорить, но Таоюй уклонялся, не давая ему открыть рот.

Поев, он ускользнул во двор, чтобы погулять и переварить пищу.

«Он не хочет говорить, зачем ты его преследуешь?»

Хуан Маньцзин мыла посуду, глядя, как муж ходит взад-вперёд по кухне, сложив руки за спиной: «Успокойся».

«Эх, Хо Шу не так уж и плох. Если не решить дело пораньше, то когда мясник Цяо вернётся, может, уже и не будет такой возможности».

Цзи Янцзун вздохнул: «Ой, как же это меня беспокоит».

Таоюй сидел во дворе под навесом, полужёжа в кресле-качалке, глядя на несколько редких звёзд на небе.

Он рассеянно качался в кресле, вспоминая своё знакомство с Хо Шу.

Тщательно подсчитав, он с удивлением обнаружил, что они знакомы всего несколько месяцев.

Очевидно, это было мгновение ока, но ему показалось, что прошло гораздо больше времени.

За этот период времени произошло так много событий, что их едва ли не больше, чем всех крупных событий за десять с лишним лет его спокойной жизни вместе взятых.

И так случилось, что Хо Шу появился в эти бурные и непростые времена, участвуя во всех взлётах и падениях его жизни.

Хо Шу спас его, он помог Хо Шу найти людей, Хо Шу снова спас его... В общем, он получил от него больше помощи.

На самом деле, он тоже думал, что с таким количеством связей с Хо Шу, который так холодно относится к людям, то, что он несколько раз помогал ему, было ли это намеренным устройством судьбы?

Сегодня он только что получил ответ: судьба ничего не устраивала, это просто кто-то намеренно приближался.

Он сжал пальцы, и, вспомнив, что Хо Шу любит его, его едва успокоившееся сердце снова необъяснимо затрепетало.

Улыбку на губах просто невозможно было сдержать.

Таоюй был очень рад, что получил такую определённую любовь не из-за семьи или репутации.

Но радовался он не только этому, но и тому, что он и этот человек думали одинаково.

Когда Таоюй вернулся в дом, было уже довольно поздно.

Сумерки сгустились, в доме было темно, и, войдя в комнату, он почувствовал едва уловимый аромат сливы.

Он удивился, откуда взялся этот запах, и пошарил в темноте, чтобы зажечь масляную лампу. Ветер из окна дул, раскачивая лампу из стороны в сторону.

Таоюй подошёл, чтобы закрыть окно, и у окна обнаружил на подоконнике букет цветков сливы.

Он поднял букет и невольно несколько раз посмотрел в тёмное окно, но ответом ему был лишь шум холодного зимнего ветра.

Таоюю не нужно было думать, чтобы понять, кто так бесшумно принёс цветы.

Только он не знал, когда пришёл этот человек.

Таоюй закрыл окно, глубоко вдохнул прохладный аромат сливы и обнаружил, что между ветками сливы застряла записка.

Он поспешно вынул записку и увидел, что на ней написано всего одно слово: «Извини».

«Даже в письме так мало слов».

Таоюй поджал губы и не удержался от ворчания.

Но, держа в руках принесённые Хо Шу цветы, он был в прекрасном настроении. Он быстро пошёл за вазой и водой и поставил в вазу срезанные ветки сливы

Перед сном он поставил вазу на тумбочку у изголовья кровати.

На следующий день Таоюй проснулся рано.

Прошлой ночью он спал спокойно, и у него было много энергии.

Он умылся и собирался позавтракать, заодно поговорить с родителями о Хо Шу. Только он подошёл к кухне, как услышал разговор изнутри.

«Уже декабрь, везде холод и мороз. Как можно уходить в этом месяце? Неужели нельзя спокойно дождаться Нового года? Куда он собирается? Ты, должно быть, ослышался».

«Как я мог ослышаться? Он сказал, что в деревне мало зарабатывает, и хочет отправиться в путь».

«Уже не молод, а всё никак не успокоится».

«Эх, изначально он тоже собирался спокойно жить, но он сделал предложение, а его отвергли. Мужская гордость, он считает, что его не ценят из-за отсутствия денег, поэтому и хочет уйти».

Хуан Маньцзин раздражённо сказала: «Выглядит взрослым, а такой обидчивый. И характер у

него неважный, ещё нужно поработать, а ты его не трогай».

Цзи Янцзун сказал: «Я бы и не хотел вмешиваться, но если его не уговорить, он сегодня же соберёт вещи и уйдёт! Эх!»

Таоюй сомневался, подозревая, что родители снова хотят его обмануть, но, подумав, что вчера он убежал и не дал ему точного ответа, возможно, Хо Шу действительно подумал, что он презирает его за отсутствие денег и имущества.

Но, услышав, что он собирается уходить сегодня, он не мог не забеспокоиться.

Он не зашёл на кухню, а развернулся и побежал в сторону дома Чжао.

Небо было серым, в холодном тумане моросил дождь.

Дождь не мочил насквозь, но был очень холодным.

Хо Шу, который никогда не боялся холода, проснулся рано и почувствовал озноб.

Он достал свой плащ, который давно не носил, и надел его, собираясь отправиться в город.

Купить кое-что, чтобы вечером снова зайти к семье Цзи.

«А-Шу, если ты едешь в город, как раз отнеси ту хлопковую ткань, которую я купила несколько дней назад, чтобы поменять, этот узор мне не подходит».

«Хорошо».

Позавтракав, Хо Шу упаковал хлопковую ткань Юань Хуэйжу в узелок и привязал его к спине. Ему было лень брать зонт, поэтому он надел на голову соломенную шляпу и, оседлав лошадь, вышел из дома.

В это время было ещё рано, к тому же шёл морозящий дождь и было очень холодно. Мало кто был готов выйти из дома без крайней необходимости.

Хо Шу, сидя на лошади, не встретил никого ни на тропинке, ни на главной дороге.

Он подумал, что погода холодная, и, выехав на главную дорогу, он поскачет, чтобы быстрее добраться и вернуться.

Однако, едва выехав на главную деревенскую дорогу, он услышал за спиной поспешный крик.

«Брат Хо!»

Хо Шу обернулся и увидел на тропинке торопливо бегущую фигуру, голова которой была уже припорошена инеем.

В такую холодную погоду он увидел, что гер даже не надел шапку, и плащ, который нужно было носить осенью, тоже не надет. Он невольно нахмурился.

Он остановил лошадь и, собираясь спешиться, увидел, что бегущий человек внезапно упал на землю.

Сердце Хо Шу сжалось, он быстро спешился и пошёл навстречу.

Таоюй лежал на мокрой, грязной земле, пытаясь подняться, боясь, что если он опоздает, то человек действительно уйдёт.

Он думал, что родители его просто пугают, но не хотел, чтобы Хо Шу действительно собирал вещи и уходил, он был в панике, его шаги были неровными и быстрыми, поэтому он упал.

Таоюй только что поднялся с земли, когда две руки схватили его за локоть и осторожно подняли.

«Всё в порядке?»

Падение не было слишком болезненным, но его руки и одежда были в грязи. Однако, услышав знакомый голос, Таоюй не смог сдержать слёз, и его глаза покраснели.

«Ты... ты уходишь?»

Хо Шу, видя человека, который вот-вот расплачется, ещё сильнее нахмурился: «Куда ухожу? Я еду в город».

И добавил: «Пойду куплю тебе ещё жареных каштанов с сахаром».

Таоюй, услышав это, поджал губы и посмотрел на свёрток Хо Шу: «Тогда зачем ты несёшь это?»

«Хлопковая ткань, приемная мать велела отнести её в тканевый магазин».

Оказывается, это было недоразумение, Таоюй глубоко вздохнул с облегчением.

Он так и знал, что он никуда не уйдёт! Это родители его специально подзадоривали.

Но, увидев его с сумкой, он всё равно сильно испугался.

«Ой, ну... тогда я пойду».

Хо Шу не позволил ему уйти так просто, он ухватил Таоюя за тонкую руку, прижимая его к себе.

«Ты думал, я уйду?»

«Нет, я... я просто, просто вышел за овощами, и случайно тебя увидел».

Лицо Таоюя пылало: «Ты иди в город, не... не задерживайся».

Хо Шу посмотрел на Таоюя: «А если бы я действительно ушёл?»

Таоюй, услышав это, широко раскрыл глаза и вдруг посмотрел в глаза Хо Шу: «Ты...»

«Если ты уйдёшь, что будет с матушкой Юань?»

«У неё есть внук, я могу забрать Чжао Пана».

«Да, у матушки Юань есть внук, есть невестка, и всё равно есть кому о ней позаботиться в старости. Даже если ты уйдёшь, ты сможешь её устроить».

Таоюй нахмурился, его губы слегка дрожали: «А... а я... разве ты не говорил, что женишься на мне?»

Голос Хо Шу был немного сожалеющим: «Но ты не хочешь».

«Я, я не...»

Таоюй, покраснев, понизил голос: «Не против».

Хо Шу поднял брови и снова сказал: «Тогда я женюсь на тебе».

Таоюй, краснея, ответил: «Угу».

«Тогда я посмотрю календарь, выберу удачный день и приду к тебе домой свататься».

«Угу».

«Тогда я хочу тебя поцеловать».

«Угу... А?»

Таоюй, краснея от смущения, вдруг пришёл в себя, его лицо стало ещё краснее, он сердито сказал: «Хо Шу!»

Хо Шу впервые откровенно рассмеялся, затем внезапно присел и подхватил жалующегося гера.

Таоюй оказался в воздухе и подсознательно схватился за руки Хо Шу.

Его крепкие, сильные руки, казалось, мощно пульсировали в его мягких ладонях. Он редко контактировал с мужчинами, не говоря уже о таких интимных движениях.

Хотя Хо Шу уже обнимал его, но тогда он боролся за жизнь, и ему было некогда думать о другом.

Но сейчас он был совершенно в сознании, отчего ещё сильнее смутился, и сердце его сильно заколотилось.

«Ты... что ты делаешь!»

«На улице холодно, а ты так легко одет, берегись, чтобы не простудиться. Я отведу тебя домой».

Таоюй нервно сказал: «Отпусти меня, я сам вернусь».

Хо Шу держал в объятиях мягкого и лёгкого гера, он не хотел отпускать его: «Чего боишься? Если увидят, то пусть приходят на свадьбу, не нужно будет дважды оповещать».

«Как ты можешь быть таким!»

Хо Шу, видя, что человек у него на руках вот-вот расплечется, потянул свой плащ: «Ладно, теперь никто больше не увидит».

Увидев это, Таоюй прижался к груди Хо Шу. Хотя его грудь была твердая, было уютно. Таоюй чувствовал себя надежно и не боялся упасть на полпути, и ему не нужно было мокнуть под дождём, его тело было довольно тёплым.

Хотя он так думал, его маленькое личико оставалось серьёзным.

Хо Шу похлопал лошадь, показывая ей, чтобы она возвращалась сама, затем опустил голову и, увидев нахмуренное лицо, спросил: «Что случилось?»

«Ты раньше таким не был».

«Каким?»

«Ты... ты раньше не был таким невежливым, и всегда спрашивал моё мнение».

Хо Шу слегка нахмурился: «Тогда можно я тебя обниму?»

«Можно или нет, ты уже...»

Таоюй прикусил губу. Он только что согласился выйти за него замуж, а он уже такой смелый, а что будет через несколько дней, если он будет делать, что хочет?

Хо Шу, вспомнив наставления тестя, уговаривал: «Это моя вина, впредь я всегда буду спрашивать твоего мнения».

Таоюй, услышав мягкие слова Хо Шу, почувствовал себя намного спокойнее, но не успели они поговорить и пары минут, как вдалеке показался их дом.

Он схватил Хо Шу за край одежды, не желая, чтобы тот уходил.

«Ты приведёшь меня через парадную дверь?»

«Просто до ворот, ты спустишься и пройдёшь пару шагов».

Таоюй, услышав это, не ответил.

Хо Шу, видя это, спросил: «Тогда проводить тебя до дома?»

«Или... или давай войдём через то место, где ты обычно перелезаешь через стену».

Таоюй поспешно добавил: «Я даже не знаю, как ты туда пробираешься».

«Хорошо».

Хо Шу, держа Таоюя на руках, обошёл дом семьи Цзи сзади. Нести человека и лезть по стене было действительно сложно, поэтому он посадил Таоюя себе на спину и влез через стену голыми руками.

Приземлившись, Таоюй посмотрел на окна своего дома и всё ещё не мог поверить, что Хо Шу действительно перенёс его через высокую стену.

Хо Шу посадил его на стул, привычно взял чайник с горячей водой у огня и налил стакан горячей воды: «Выпей немного воды, чтобы согреться, переоденься, чтобы не простудиться».

Таоюй, глядя на Хо Шу в своей комнате, чувствовал себя совершенно смущённым. Хотя он много раз мечтал о нём в комнате, но то, что настоящий человек действительно появился здесь, всё равно казалось немного невероятным.

Только потом он обнаружил, что его ладони и колени немного болят.

Хо Шу сказал: «Тогда я пойду».

Таоюй тихонько помассировал ладони, окликнул его: «Не уходи!»

«Я... у меня колени болят, намажь мне мазь».

Хо Шу посмотрел на гера и снова подошёл: «Разве тебе не нужно сначала переодеться?»

Лицо Таоюя покраснело: «Как я переоденусь, когда ты... ты в комнате?»

«Тогда я выйду».

Таоюй снова потянул Хо Шу за подол одежды: «Ладно, на улице холодно, ты... ты останься здесь. Я переоденусь сзади, ты только не...»

Хо Шу сказал: «Я посмотрю после того, как мы поженимся».

Таоюй, покраснев, сломя голову убежал за занавеску кровати, поспешно переоделся и снова вышел.

Он высунул голову из-за занавески кровати и увидел Хо Шу, сидящего у стола спиной к нему, довольно послушно.

Только тогда он взял лекарство и сел рядом с ним, сам наклонившись и закатав штанину, обнажив белую икру.

Хо Шу впервые увидел кожу Таоюя под одеждой, его сердце затрепетало, но никаких непристойных мыслей не возникло.

На колене остался синяк, который полностью завладел его вниманием.

Хо Шу разогрел лекарственный бальзам в ладонях, затем осторожно приложил его.

Он знал, что этот гер хрупкий и нежный, но не ожидал, что падение на грязную траву может так сильно повредить.

Впредь нужно будет заботиться о нём ещё тщательнее.

«Впредь ходи осторожнее».

Таоюй вдохнул: «Угу. На самом деле не очень больно, всё хорошо».

«Даже так, ты должен беречь своё тело».

Таоюй моргнул: «Ты так сильно обо мне заботишься?»

Хо Шу прервал движение рук и посмотрел на Таоюя.

Он быстро приспособивался. Мгновение назад он краснел и заикался, а сейчас уже мог говорить такие вещи.

Хо Шу только собирался открыть рот, как снаружи раздался стук в дверь: «Сяо Таоцзы, ты ещё не встал? Мама входит».

—